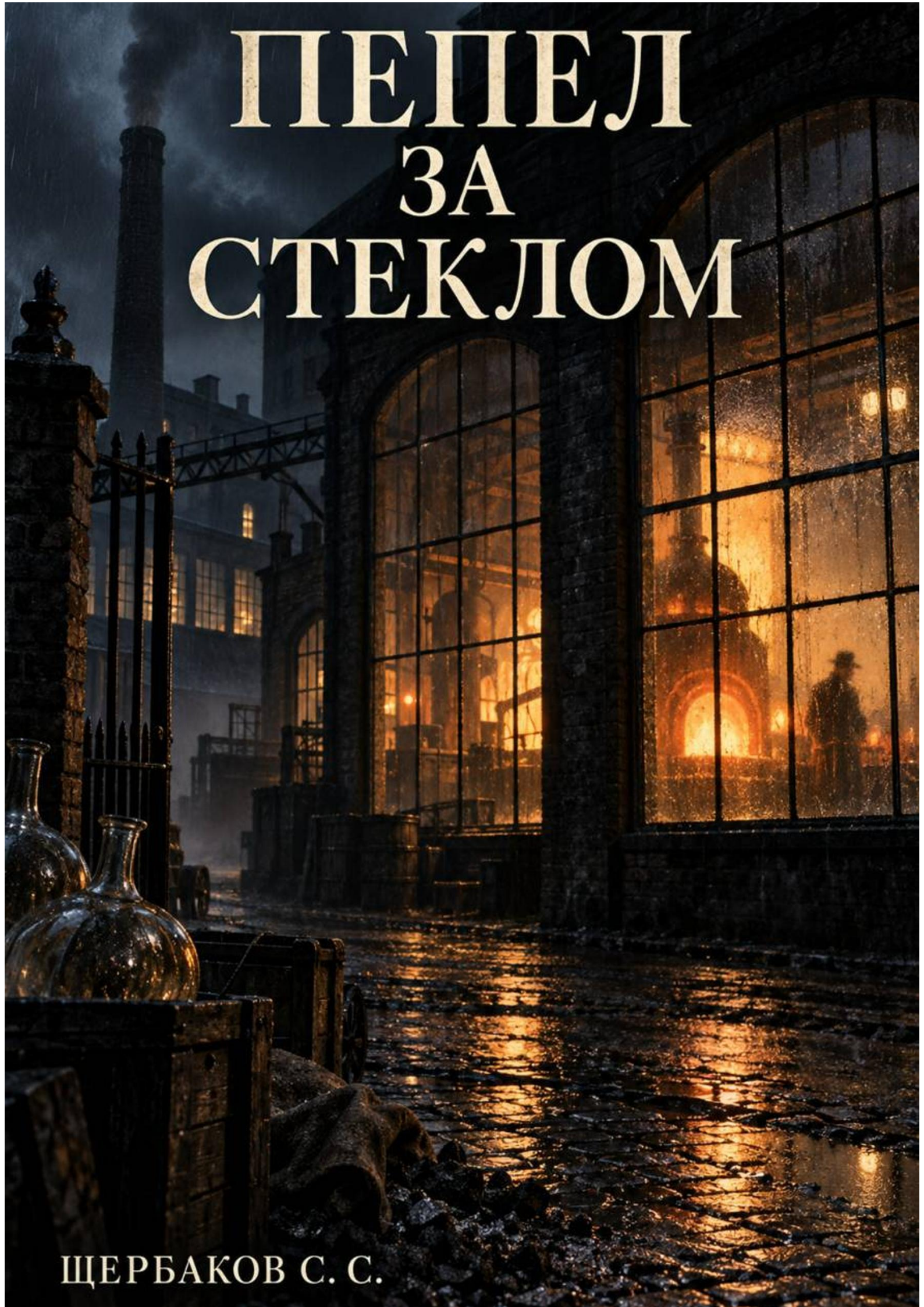

ПЕПЕЛ ЗА СТЕКЛОМ

ЩЕРБАКОВ С. С.

Щербаков Сергей

Пепел за стеклом

«Автор»

2026

Сергей Щ. С.

Пепел за стеклом / Щ. С. Сергей — «Автор», 2026

На стекольном заводе Уиклиффов готовятся показать новое жаропрочное стекло, но хозяина находят мёртвым в запертой измерительной галерее. Поздний свидетель видел его за окном — или лишь отражение. Когда исчезают страницы накладных и погибает привратница, записавшая путь бракованных школьных окон, Эдмунд Роуэн и инспектор Томас Грей распутывают дело, в котором почти каждый скрывает свою часть правды. Двенадцать подозреваемых, ложные улики и тайная перепродажа стекла ведут к разгадке двух убийств.

© Сергей Щ. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая	7
Печь номер четыре	8
Красная метка	11
Вещь, которую видели все	13
Свет за окном	15
Измерительная галерея	17
Двенадцать показаний	19
На сухой пластине	21
Договор на семь партий	23
Холодная крошка	25
Картонная бирка	27
Два телефонных звонка	29
Формула доктора Харкорт	31
Синий переплёт	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Щербаков Сергей

Пепел за стеклом

Пепел за стеклом

Детективный роман

Щербаков С. С.

© Щербаков С. С., 2026

Все персонажи и события вымышлены.

Возрастная категория: 16+.

Оглавление

Часть первая

- Глава 1. Печь номер четыре
- Глава 2. Красная метка
- Глава 3. Вещь, которую видели все
- Глава 4. Свет за окном
- Глава 5. Измерительная галерея
- Глава 6. Двенадцать показаний
- Глава 7. На сухой пластине
- Глава 8. Договор на семь партий
- Глава 9. Холодная крошка
- Глава 10. Картонная бирка
- Глава 11. Два телефонных звонка
- Глава 12. Формула доктора Харкорт
- Глава 13. Синий переплёт
- Глава 14. Приказ на обороте
- Глава 15. Девочка у ворот
- Глава 16. После закрытия
- Глава 17. Письмо на лестнице
- Глава 18. Лестница без часов
- Глава 19. Печатные буквы
- Глава 20. Морроу и иностранный заказчик
- Глава 21. Рама номер семь
- Глава 22. Умолчание Беатрис
- Глава 23. Буква, которой не было
- Глава 24. Четыре минуты
- Глава 25. Испытание красной рамы
- Глава 26. Человек за дверью котельной
- Глава 27. Недогоревший угол
- Глава 28. В Лидсе

Часть вторая

- Глава 29. Управлять пустым кабинетом
- Глава 30. Рисунок Евы
- Глава 31. Третий негатив
- Глава 32. Доверенность

- Глава 33. Доход от брака
- Глава 34. След на картоне
- Глава 35. Школьное окно
- Глава 36. Письмо из Йорка
- Глава 37. Час, которого не было
- Глава 38. Ключ на столе
- Глава 39. Лидская мастерская
- Глава 40. Собрание у холодной трубы
- Глава 41. Страховой конверт
- Глава 42. Старые счета
- Глава 43. Два опыта доктора Харкорт
- Глава 44. Шкаф за галереей
- Глава 45. Цена тишины
- Глава 46. Неподписанное предупреждение
- Глава 47. Противовес
- Глава 48. Комната над аптекой
- Глава 49. Семь минут темноты
- Глава 50. Последняя строка Рут
- Глава 51. Тот, кто помнил слова
- Глава 52. Под копиркой
- Глава 53. Старый огонь
- Глава 54. Передвинутый ящик
- Глава 55. Письмо, дошедшее поздно
- Глава 56. Латунная головка
- Глава 57. Два дела
- Глава 58. Показания Харриет
- Глава 59. Проверить признание
- Глава 60. Совет без хозяина
- Глава 61. Письмо без оправдания
- Глава 62. После стекла
- Эпилог**

Часть первая

Глава 1

Печь номер четыре

У заводских ворот Элис Грей попросила мужа остановить автомобиль. Томас послушался не сразу: позади них по узкой дороге приближался грузовик с панелями, и останавливаться перед ним казалось не лучшим способом начать вечер. Но Элис уже открыла карту реставрации и прижала пальцем край листа.

— Смотри. Здесь должен быть старый проезд к складу.

Томас отвёл машину к каменной стене. За ней поднимались три высокие трубы стекольного завода Уиклиффов. Две дымили; третья, самая старая, стояла холодной. Между корпусами виднелось одноэтажное здание с длинным рядом окон. На плане оно обозначалось как павильон для посетителей, хотя сейчас больше напоминало теплицу, в которой решили выращивать машины.

— Проезд заложили кирпичом, — сказал Эдмунд Роуэн с заднего сиденья.

— На плане, который мне прислали на прошлой неделе, его ещё не было, — ответила Элис. — Для реконструкции это неприятный сюрприз.

Водитель грузовика нетерпеливо посигналил. Томас пропустил его, затем тронулся к главной проходной. Роуэн заметил, что грузовик вёз листы стекла в деревянных рамах. На каждой стоял красный штамп ОТК. Один штамп пересекала чёрная черта, нанесённая от руки.

— Брак? — спросил он.

Элис выглянула в заднее окно.

— Похоже. На хорошем стекле ставят зелёную метку. Красная означает, что партия требует повторной проверки.

— А чёрная черта?

— Этого я не знаю.

На проходной молодая женщина в форменном пальто переписала номер автомобиля в журнал. Её звали Рут Коллиер; имя было вышито на ткани возле кармана. Она сравнила их фамилии с пропусками и нахмурилась.

— Миссис Грей — архитектор. Инспектор Грей — сопровождающий. Мистер Роуэн... — Она перелистнула лист. — Для вас здесь стоит «гость администрации». Мне велено предупредить: после девяти ворота закроют до окончания испытания. Если захотите уехать раньше, скажите до без четверти.

— Если мы захотим уехать позже? — спросил Роуэн.

— Тогда придётся дожидаться утра.

Она произнесла это без намерения напугать. Занавес не опускался, дорог не смывало, мост не обрушался. Просто непрерывная работа печи требовала, чтобы никто не проходил через охраняемую территорию, пока проверяли опытные листы. И всё же Роуэн подумал, что фабричные ворота могут быть столь же действенной границей, как вода вокруг острова.

Элис не любила опаздывать к заказчику. Она забрала пропуска, и они прошли через двор. В воздухе пахло мокрым углём и чем-то сладковато-горячим. За открытой дверью цеха двигались люди в очках с тёмными стёклами. Каждый их жест казался медленным и точным: железный прут входил в раскалённую массу, поворачивался и выходил уже с прозрачной каплей на конце.

У павильона их встретил Лайонел Уиклифф. Он был невысок, плотен и одет так безупречно, будто заводской двор существовал для проверки его ботинок. С Элис он поздоровался первым.

— Надеюсь, заложенный проезд вас не испугал. Инженеры уверяют, что стены не несущие.

— Меня больше тревожит, почему инженеры не сообщили о работах, — ответила она.

Лайонел улыбнулся, словно услышал удачное замечание на семейном ужине.

— Моя дорогая, здесь каждый день кто-нибудь строит стену, а кто-нибудь другой ищет дверь. Позволю себе представить вам главных виновников.

Он повёл их вдоль окон. Внутри павильона ставили узкие деревянные столы и приборы для вечерней демонстрации. Сначала Лайонел подвёл гостей к доктору Аде Харкорт. Она держала на ладони квадрат стекла, едва больше почтовой открытки. При движении листа свет лампы разламывался на два отражения.

— Новая смесь выдерживает перепад температур в сто двадцать градусов, — сказала Ада, не дожидаясь вопроса. — Во всяком случае, лабораторные образцы.

— А не лабораторные? — спросил Томас.

Ада посмотрела на него внимательнее.

— Им предстоит пройти испытание сегодня.

Следующим был Маркус Хейл, директор производства. Он отличался от Лайонела не столько ростом, сколько манерой занимать пространство. Лайонел шагал так, будто все дороги уже проложены; Хейл останавливался перед каждым человеком и давал ему возможность отступить самому.

— Вы не на службе, инспектор? — спросил он Грея.

— Нет.

— Тем лучше. У нас сегодня достаточно проверяющих.

Из глубины павильона подошла Фэй Дакр с фотоаппаратом. Она попросила всех повернуться к опытному стеклу, но Ада резко подняла руку.

— Только не под углом. Ваш снимок опять покажет не то, что находится за листом.

— Как это? — спросил Роуэн.

Ада поставила образец вертикально. В нём появилось лицо Фэй, хотя она стояла сбоку от стола. Элис, находившаяся прямо перед стеклом, почти исчезла.

— При определённом освещении отражение сильнее того, что вы видите насквозь, — объяснила Ада. — Пока мы не получили равномерную поверхность, для витрин оно бесполезно. Зато покупатели любят такие фокусы.

Фэй сделала снимок именно сбоку.

— Покупатели платят за то, что видят, — сказала она.

К ним присоединился Майкл Дейн, мастер-стеклодув с обожжённым старым шрамом на запястье. Он услышал последние слова.

— Рабочие потом отвечают за то, что покупатель увидит через год.

Лайонел перестал улыбаться.

— Майкл, сегодня не собрание профсоюза.

— Я и не собирался произносить речь.

Он действительно замолчал, но не ушёл. Через минуту появилась его дочь Ева. На её платье была пришита стеклянная брошь, похожая на маленькое окно. Ева принесла эскизы декоративной решётки для павильона и разложила их перед Элис. Из-за стола за ними наблюдал молодой инженер Оливер Шоу. Он не подошёл, пока Майкл не отвернулся.

Роуэн увидел это движение и отвернулся сам. Привычка замечать чужие тайны не давала ему права пользоваться каждой из них.

Снаружи ударил заводской сигнал. Рабочие повели тележку к печи номер четыре. Лайонел взглянул на часы.

— До начала испытания два часа. Элис, вы успеете посмотреть чертежи. А вас, господа, прошу не скучать.

Когда он ушёл, Ада Харкорт завернула стеклянный образец в мягкую ткань.

— На вашем месте, мистер Роуэн, я не стала бы сегодня смотреть через окна, — сказала она.

— Почему?

— Ночью они редко показывают то, что находится по ту сторону.

Она произнесла это как техническое предупреждение. Позже Роуэн вспомнит, что именно поэтому не принял его за предсказание.

Глава 2

Красная метка

К концу первого часа Элис нашла три изменения в павильоне, которых не было ни на одном утверждённом чертеже. Проезд оказался заложен, перегородка между галереями сдвинута почти на ярд, а в западной стене появилась узкая дверь без обозначения. Сметы на эти работы лежали в отдельной папке; подписи на них не было.

— Кто распоряжался перестройкой? — спросила она у Харриет Рид.

Секретарь Лайонела аккуратно сложила копирку под чистый лист. Она была женщиной лет сорока с коротко подстриженными седыми волосами и таким спокойным лицом, какое вырабатывается у людей, ежедневно слушающих чужие распоряжения.

— Мистер Хейл ведёт все производственные работы. Мистер Уиклифф подписывает окончательные счета.

— Здесь нет его подписи.

Харриет посмотрела на папку и, казалось, впервые увидела отсутствие росчерка.

— Тогда счета ещё не окончательные.

На столе секретаря лежали два телефонных сообщения. Одно было адресовано Лайонелу, другое — страховику Генри Локку. Элис не читала их, но заметила одинаковую дату и разное время получения. Харриет, заметив её взгляд, закрыла оба листка пресс-папье.

— Не люблю оставлять чужую корреспонденцию открытой, — объяснила она.

— Я тоже, — сказала Элис. — Особенно когда она оказывается рядом с моими чертежами.

В коридоре ждал Локк. Его портфель был тонок и потёрт, словно страховые документы давно перестали уместаться в нём и перевозились отдельно. Он представился, но Элис уже знала его фамилию по телефону.

— Компания попросила меня присутствовать при испытании, — сказал он. — Школьный заказ слишком крупный, чтобы полагаться на праздничный вечер.

— Что вы проверяете?

— Что годная партия не превратится в негодную по пути к грузовику. Или наоборот.

Он сказал это без улыбки. Элис вспомнила красные штампы на рамах и спросила о чёрной черте. Локк бросил взгляд на дверь Харриет, затем предложил поговорить в цехе.

Томас в это время пытался не выглядеть инспектором. Ему это удавалось хуже, чем он думал. У таблички с правилами безопасности он остановился на полминуты, записал время обхода охраны и спросил работника, кто выдаёт дубликаты ключей. Работник назвал Маркуса Хейла.

— Я же просила провести вечер без протокола, — сказала Элис, поравнявшись с мужем.

— Я ещё ничего не записал в протокол.

— У тебя тот же голос, каким ты говоришь «для начала назовите фамилию».

Томас убрал блокнот.

— Лайонел просил меня осмотреть систему проходов. После прошлой недели он беспокоится о пропаже материалов.

— Значит, ты всё-таки приехал по делу.

— Не по уголовному. Пока что.

Элис собиралась ответить, но увидела Еву Дейн. Та стояла у двери кладовой вместе с Оливером Шоу. Они разговаривали тихо и быстро. Ева держала в руке плоскую деревянную рейку, Оливер — узкий ключ. Когда пара заметила Греев, они разошлись по разным сторонам коридора с неловкостью людей, которым не хватило времени придумать невинную причину встречи.

— Вы можете у меня спросить, — сказала Элис, — если хотите знать, что за дверью.

— Я хочу знать, почему она появилась после утверждения плана.

Оливер ответил раньше Евы:

— Это проход к измерительной галерее. Старый был слишком близко к печи. Директор распорядился переделать.

— Директор — мистер Хейл?

— Да.

Ева коснулась его рукава. Слишком короткое движение, чтобы назвать его лаской, но слишком естественное, чтобы принять за предупреждение.

— Оливер, нам пора.

Они ушли. Элис открыла западную дверь. За ней тянулся узкий проход, освещённый одной лампой. Слева было окно из опытного стекла; справа — глухая кирпичная стена. На дальнем конце стояли весы и металлический шкаф с образцами. За стеклом, в параллельной галерее, двигались рабочие. В определённой точке свет лампы превращал их в отражения тех, кто шёл рядом с Элис.

Она протянула руку. Её собственная рука возникла в глубине цеха, где она не могла находиться.

— Фокус Ады, — сказал Томас.

— Нет. Это строительная ошибка. Окно поставили под неверным углом.

— Возможно, кто-то сочтёт её полезной.

Из соседнего цеха донёсся голос Лайонела. Он говорил резко, почти шёпотом; такой тон иногда слышнее крика.

— Я подписывал сертификаты для трёх партий. Не для семи.

Ему ответил Маркус Хейл:

— Тогда в бухгалтерии ошиблись с индексами.

— Бухгалтерия не могла поставить красную метку под зелёной.

Шаги приблизились. Томас взял Элис под локоть и вывел из прохода прежде, чем собеседники показались из-за перегородки. Он не хотел, чтобы его обвинили в подслушивании. Но слова уже были произнесены.

У ворот Рут Коллиер проверяла грузовик. Его водитель стоял рядом и курил, закрывая ладонью сигарету от ветра. Рут осмотрела рамы, перевернула одну накладную и провела пальцем по чёрной черте.

— Сколько таких? — спросила она.

— Две тележки сегодня, — сказал водитель. — Остальное завтра.

— Вчера ты говорил, что завтра будет всё.

Он пожал плечами. Рут записала номер рамы в карманную книжку. Когда автомобиль Греев появится у проходной утром, эта книжка будет лежать уже не у неё.

В павильоне зажгли лампы. Лайонел вышел к гостям в светлом шарфе, повязанном с той нарочитой небрежностью, которой люди учатся перед зеркалом. Он объявил о начале демонстрации через полчаса и попросил работников занять места.

Роуэн заметил, что шарф был новый: белая шерсть ещё сохраняла складку магазинной упаковки. Маркус Хейл стоял справа от Лайонела и смотрел на него с выражением человека, считающего не гостей, а оставшееся время.

Глава 3

Вещь, которую видели все

На показ пригласили меньше людей, чем ожидала Элис. Из городской управы приехал один чиновник, но после краткого осмотра печи уехал до закрытия ворот. В павильоне остались только работники, родственники хозяина и те, чьи имена Рут Коллиер записала на проходной. Отсутствие зрителей не расстроило Лайонела. Он предпочитал, чтобы важные решения принимали в тесной комнате, где видны лица.

— Стекло чаще продают словами, — сказал он, поставив на стол прозрачный сосуд, — но сегодня мы покажем, что оно умеет без них.

Ему помогала Ада Харкорт. Она нагрела один образец над электрической плиткой и опустила в холодную воду. Стекло осталось целым. Вторым образец треснул с сухим коротким звуком. Лайонел поднял обе пластины, чтобы гости увидели разницу.

— Первая изготовлена по нашей новой технологии. Вторая — обычное оконное стекло.

— Вы взяли пластину из лаборатории, — заметил Генри Локк.

— Разумеется. Это опытный показ.

— Я думал, мы будем проверять товарную партию.

Лайонел положил пластины. Молчание длилось ровно столько, чтобы в нём успел появиться смысл.

— Товарная партия будет проверена с вами отдельно, мистер Локк. После демонстрации.

— Тогда я дождусь.

Беатрис Уиклифф стояла у двери. На мужа она смотрела так, словно он повторял давно знакомую роль, в которой наконец появились новые слова. Их сын Джереми держался возле стола с напитками и не смотрел ни на одного из родителей. Он был похож на Лайонела глазами, но привычка улыбаться до ответа досталась ему, вероятно, от матери.

Бернард Морроу, внешний консультант, подошёл к Аде и тихо спросил о способе закалки. Она ответила одним словом, затем сдвинула свой блокнот подальше. Морроу не настаивал, но в течение следующих минут трижды поглядел на обложку.

Роуэн не привык называть это подозрением. Пока это было лишь желание узнать то, за что другой человек ещё не получил разрешения говорить.

Лайонел открыл небольшой шкаф с образцами. Роуэн увидел четыре стойки, на которых лежали панели одинакового размера. Три были отмечены зелёными кружками. На четвёртой краснел заводской штамп, пересечённый чёрной чертой.

— Эту тоже покажем? — спросил Локк.

— Завтра, после повторной проверки.

— Она уже на накладной.

Лайонел повернулся к нему.

— Вы уверены?

— Я не стал бы задавать вопрос при всех, если бы не был.

Из толпы выступил Маркус Хейл. Он взял накладную у Локка, пробежал глазами строки и сказал, что индекс мог перейти с соседней партии. Слова звучали разумно, но его пальцы слишком долго держали лист.

— Проверим на складе, — предложил он.

— Я проверю сам, — ответил Лайонел.

Он вышел из павильона в двадцать тридцать пять. Роуэн запомнил время потому, что в ту же минуту печь подала глухой предупредительный сигнал. По плану Ады первый лист должны были вынуть в двадцать пять минут десятого; Лайонел рассчитывал вернуться.

Ева Дейн предложила гостям посмотреть эскизы новых школьных окон. Она делала вид, что не слышала разговор о накладной. На одном рисунке разноцветные квадраты образовывали

карту английских графств; дети, по её замыслу, могли узнавать местность по свету, а не по надписям.

— Если стекло выдержит мячи, — сказал Майкл Дейн, — это будет даже полезнее карты.

Лайонел услышал бы в его словах вызов. Элис услышала просьбу не ставить красоту выше прочности.

Оливер Шоу пришёл с листом температурных записей. Ада взяла его, нахмурилась и направилась к цеху. Маркус пошёл за ней, но вернулся через минуту: Харриет Рид передала, что перевозчик обещал позвонить в двадцать пятьдесят семь.

— Пусть звонит, — сказал Хейл. — Сначала проверю давление.

Маркус прошёл к конторе, снял рабочую куртку у двери и повесил на крючок. На рукаве осталась белая пыль. Не было ничего необычного в пыли на одежде заводского директора; необычным Роуэн позже сочтёт другое — то, как тщательно Хейл провёл ладонью по этому рукаву. Затем он направился к котельной.

В без четверти девять Беатрис попросила Джереми найти отца. Молодой человек отказался.

— Если он ушёл к складу, значит, там найдётся кто-то, кому следует бояться. Я ему не нужен.

Беатрис сняла с его плеча каплю дождя. Джереми не отстранился, но и не благодарил.

— Тогда хотя бы возьми шарф, — сказала она. — Твой воротник мокрый.

— Это его шарф.

— Сегодня он всё равно не заметит.

Она указала на белую шерсть, лежавшую на спинке стула. Лайонел снял шарф перед показом, когда у печи стало жарко. Джереми повязал его слишком туго, затем ослабил узел и ушёл в сторону бокового прохода.

Фэй Дакр сделала ещё один снимок. Вспышка на мгновение превратила опытные окна в зеркала. Роуэн прикрыл глаза ладонью. Когда он снова увидел зал, на месте Джереми уже стоял Бернард Морроу, а шарфа не было видно.

Глава 4

Свет за окном

Первый лист вынули точно по расписанию. В павильон пришёл жар, хотя между печью и гостями были две двери. Ада Харкорт села у приборного стола и стала диктовать Оливеру показатели. Один из работников медленно вёл раскалённую массу к раме; за ним шёл Майкл Дейн, не отрывая взгляда от края будущей панели.

— Пять минут под держателем, — сказал он. — Не меньше.

— По новой карте четыре, — возразил Оливер.

— Карта не почувствует, когда край пошёл волной.

Ада поднялась.

— Держим пять.

Маркус Хейл вернулся из конторы к началу спора. Он согласился с Адой сразу, что удивило Оливера. Раньше Хейл спорил с ней из-за каждой минуты: лишнее время у печи стоило денег. Сейчас он только спросил, где Лайонел.

— Разбирается с накладными, — сказала Харриет.

— Как раз вовремя.

Хейл произнёс это так тихо, что услышал один Роуэн. Странность не заключалась в словах. Заводской директор мог раздражаться на владельца, ушедшего посреди испытания. Но раздражение появилось у Хейла прежде, чем он получил ответ Харриет.

Генри Локк отошёл от толпы и свернул к складу. Его портфель остался на стуле. Элис предложила сопровождать его: ей нужно было снова проверить западную стену. Томас пошёл с ними, хотя уверял, что просто хочет воздуха. На улице дождь стал мельче и гуще; он ложился на пальто прозрачной пылью.

У складской двери они встретили Рут Коллиер. Она несла новую накладную.

— Мистер Уиклифф не у вас? — спросил Локк.

— Я видела, как он прошёл к измерительной галерее, — ответила Рут. — Около двадцати сорока. Он сказал, что хочет сверить номера там.

— Один?

— Сначала один. Потом из двора кто-то вошёл через боковую дверь. Я была у ворот и не разглядела.

Она подала Локку лист. На углу стоял красный штамп и та же чёрная черта. Элис спросила, кто её наносит.

— Не знаю, — сказала Рут. — Так помечают рамы уже четвёртую ночь. Я записываю номера отдельно, чтобы утром не спорить с водителями.

— Могу посмотреть? — спросил Томас.

Рут показала карманную книжку, но не отдала её. На последней странице были только три номера. Один совпал с рамой, которую Роуэн видел на подъезде. Второй относился к другой партии, обозначенной зелёным кружком. Третий был зачёркнут.

— Этот почему? — спросил Томас.

— Мне сказали, что грузовик не пришёл. А я помню его фары.

К ним подошёл Оливер Шоу. Его послала Ада за термометром, оставленным в галерее. Он увидел запёртую западную дверь и постучал. Никто не ответил.

— У мистера Уиклиффа есть ключ, — сказала Рут.

— Но он внутри, — возразил Оливер. — Я видел свет.

Элис подошла к окну. За стеклом действительно двигалась тёмная фигура. Белый участок возле шеи показался шарфом. Фигура прошла слева направо и исчезла за стеной.

— Это Джереми, — сказала она.

— Почему вы так решили? — спросил Томас.

— Беатрис дала ему шарф Лайонела.

Оливер взглянул в стекло.

— Я видел мистера Уиклиффа. Он держал руку у воротника, как всегда.

— Зеркально? — спросила Элис.

Он не понял. На соседней площадке вспыхнула лампа, и окно на мгновение отразило уже их четверых. Локк нахмурился. Пока он разглядывал поверхность, тёмная фигура исчезла окончательно.

— Боковой проход параллелен галерее, — сказала Элис. — Вы могли видеть человека не за стеклом, а перед ним, в отражении.

— Мы могли видеть и хозяина, — ответил Локк. — Дверь всё ещё заперта.

Фэй Дакр вышла из павильона с аппаратом на ремне и спросила, почему все стоят под дождём. Оливер объяснил, что хозяин задерживается. Фэй посмотрела в окно и сказала, что несколько минут назад снимала Лайонела там же.

— Свет был лучше, чем в цехе. Я попросила его повернуться, но он, кажется, не услышал.

— Вы видели лицо? — спросил Роуэн, подошедший вслед за ней.

— Нет. Только профиль и шарф.

Она открыла футляр, чтобы показать кассету. Снимок пока был запечатан. Роуэн подумал, что обещание фотографии иногда убедительнее самой фотографии: люди уже готовы вспоминать то, чего на ней не окажется.

Сигнал печи прозвучал снова. Ада позвала Оливера. Он не хотел уходить без термометра и попросил Маркуса принести запасной. Хейл подошёл к двери, проверил ручку и сказал:

— Здесь можно открыть мастер-ключом. Я схожу за ним.

Рут подняла глаза.

— У вас он обычно с собой.

— Обычно, — сказал Хейл, — я не надеваю чужую куртку.

Роуэн посмотрел на его пальто. Оно было тёмным и сухим. Чья это была куртка, Хейл не пояснил.

Глава 5

Измерительная галерея

С мастер-ключом Маркус вернулся через четыре минуты. Томас взял ключ из его руки и сам повернул его в замке. Дверь открылась без сопротивления, но остановилась на полпути: изнутри её удерживал тяжёлый ящик с образцами. Ящик сдвинули втроём.

Лайонел Уиклифф лежал за измерительным столом. Его пальто было расстёгнуто, на манжете виднелась узкая полоска серой пыли. Рядом стоял раскрытый шкаф. Стекланные панели в нём были целы; на полу лежала только металлическая рейка, которой измеряли толщину листа.

Томас не позволил никому подойти. Он опустился возле Лайонела, проверил пульс и медленно встал.

— Нужен врач, — сказал он. — И местная полиция.

Слова «нужен врач» относились уже не к надежде. Роуэн понял это по голосу.

Беатрис пришла последней. Ева Дейн удержала её у порога, пока Томас объяснял, что произошло. Беатрис выслушала молча и спросила, где Джереми. Никто не смог ответить.

Маркус посмотрел на часы над шкафом.

— Без четверти десять. Фэй видела его недавно.

— Я видела фигуру, — поправила фотограф.

— Вы сказали «Лайонел».

— Я так подумала.

Доктор Бенедикт, заводской врач, прибыл из соседнего корпуса через семь минут. Он осмотрел тело при свете настольной лампы и попросил окна не трогать. О смерти Лайонела он мог сказать только, что она наступила не мгновенно, а точного времени без дальнейшего исследования он не назовёт. Кто-то спросил о несчастном случае. Врач взглянул на рейку и промолчал.

— Если он оставался в сознании, он попытался бы позвать, — сказал Оливер. — Отсюда до цеха тридцать шагов.

— Машины работали, — возразил Майкл.

— Когда он вошёл, машины ещё не запустили.

Роуэн заметил, как Маркус Хейл повернулся к нему. Это был первый случай за вечер, когда директор смотрел на Роуэна без той ровной вежливости, которой встречал всех чужих.

Харриет Рид принесла список присутствующих. Томас попросил её положить его на стол у двери. Она сделала это и сразу увидела, что из раскрытого шкафа исчезла синяя папка.

— Мистер Уиклифф нёс её с собой, — сказала Харриет. — В ней были сертификаты на школьный заказ.

— Вы видели, как он вошёл с папкой? — спросил Грей.

— Нет. Он взял её из конторы перед показом. Потом оставил на столе. Я думала, вернулся за ней.

— Значит, вы не знаете, была ли она здесь, — сказал Роуэн.

Харриет кивнула. Её точность была бы полезна следствию, если бы все остальные говорили с такой же осторожностью.

Рут Коллиер предложила закрыть ворота немедленно. Томас согласился: до прибытия полиции никто не должен покидать завод. Ворота и без того собирались закрыть в девять, но запись у Рут показывала, что последний автомобиль вышел в двадцать сорок одну. Машина принадлежала чиновнику управы. Она не могла быть связана с тем, кто находился в галерее позже, если не считать чужих слов о времени.

— А вы видели кого-нибудь после мистера Уиклиффа? — спросил Роуэн у Рут.

— Тень у боковой двери. Ни лица, ни одежды.

— Рост?

— Выше меня. Это почти все мужчины здесь.

— Женщина?

Рут задумалась.

— Пальто было длинное. Может быть.

Через открытую дверь павильона было видно опытное окно. При ярком свете оно отражало комнату; когда свет на площадке гас, за стеклом проступала настоящая галерея. Роуэн несколько раз повернул голову, добиваясь границы между изображениями. На деле границы не было: всё зависело от того, где стоял наблюдатель и какой свет горел у него за спиной.

— Кто устанавливал это стекло? — спросил он Элис.

— Монтажники по чертежу Хейла. Я бы так его не поставила.

Локк, до сих пор державшийся у стены, сказал, что Лайонел лично разрешил переделку после жалоб работников на жар. Элис показала ему неподписанную смету. Локк повёл плечами:

— В нашем деле разрешение и подпись не всегда приходят в один день.

Томас велел всем собраться в павильоне. Он хотел записать перемещения прежде, чем память станет похожа на отражение: в ней начнут узнавать то, что уже называл кто-то другой.

Когда люди вышли, Роуэн задержался у стола. Металлическая рейка лежала не параллельно краю, а под углом. На одном конце к ней прилипла тонкая полоска бумаги, словно инструмент положили на не до конца высохший документ. Он не стал прикасаться к ней. Под столом нашлась чёрная крошка. Роуэн поднял взгляд на открытую печь за двумя стенами и подумал, что там пепел должен быть тёплым, а здесь крошка была сухой и холодной.

Он вышел и закрыл дверь.

Глава 6

Двенадцать показаний

Павильон, устроенный для продажи нового стекла, неожиданно стал комнатой ожидания. На столах оставались недопитые чашки; за окнами цех продолжал работать. Майкл Дейн настоял, чтобы печь не останавливали. Если бросить опытную массу без наблюдения, она застынет в каналах и к утру испортит оборудование. Томас разрешил двум рабочим сменять друг друга у пульта и записал их имена отдельно. Они не входили в круг людей, бывших у галереи до убийства, но каждый новый переход по коридору требовал отметки.

Местный констебль прибыл из деревни пешком. Рут пропустила его через малую дверь и заперла её при нём. Из участка обещали машину утром, когда освободится дорога у карьера. Констебль представился Уильямом Прайсом и, узнав инспектора, немедленно предложил передать ему блокнот.

— Оставьте себе, — сказал Томас. — Записи должны оставаться у местной полиции. Я помогу с вопросами.

Роуэн сел у дальнего окна. Он не собирался допрашивать людей. В большинстве дел отдельное признание начиналось после того, как человек устал пересказывать одну и ту же ложь разным слушателям.

Первой говорила Беатрис. С двадцати трёх минут девятого до удара сигнала она находилась возле стола с напитками. После этого подошла к секретарю, попросила телеграмму для сестры и вернулась в павильон. Харриет подтвердила просьбу, но телеграмму не написала.

— Я передумала, — сказала Беатрис.

— О чём хотели сообщить? — спросил Томас.

— Что у нас затянется вечер.

Джереми заявил, что вышел покурить в девять и оставался во дворе около четверти часа. Кто-то видел его у грузового подъезда, но никто не заметил, когда он вернулся. Белый шарф он по-прежнему носил под пальто. Томас попросил его положить шарф на отдельный стул. Джереми сделал это с такой досадой, словно вещь принадлежала лично ему.

Ада Харкорт и Оливер Шоу были у печи с двадцати пяти минут десятого до десяти минут без десяти. Майкл Дейн подтвердил оба имени: спор о выдержке листа требовал их постоянного внимания. Маркус тоже присутствовал, но не всё время. Оливер помнил его у пульта примерно в половине десятого; до этого Хейл заходил в контору.

— Когда именно он вернулся? — спросил Грей.

Ада посмотрела в журнал.

— Между двадцатью и двадцатью тремя. Я сначала заполнила графу давления, а потом услышала, как он спрашивает о мистере Уиклиффе.

Маркус не спорил. Он сообщил, что с без пяти девять до двадцати пяти минут десятого разговаривал с перевозчиком по телефону, а до звонка проверял котельную. Харриет подтвердила звонок, но не его продолжительность. Перевозчик ещё находился на линии, когда она вышла отдать копию накладной Локку.

— Вы можете показать ключ от измерительной галереи? — спросил Прайс.

Маркус положил на стол тяжёлую связку.

— Это мастер-ключ. У мистера Уиклиффа был обычный.

— Он лежал при нём?

— Я не смотрел.

Томас посмотрел. Ключа в карманах Лайонела не оказалось.

Генри Локк был в павильоне до девяти, затем сверял накладные у склада. Позднее он вместе с Элис, Томасом и Рут пришёл к галерее. Бернард Морроу разговаривал с Джереми у задней стены, но Джереми помнил только начало разговора. Фэй Дакр перемещалась между

павильоном и двором. Она обещала проявить кассету, как только разрешат войти в её временную тёмную комнату. Ева Дейн находилась у эскизов, затем на складе, где искала деревянные рейки для рам. Харриет видела, как она проходила с ними мимо конторы.

— Мне нужны были рейки, потому что мистер Уиклифф приказал повесить рисунки ниже, — сказала Ева. — Это не тайна.

Майкл посмотрел на дочь. Она выдержала взгляд, но пальцы сжались на краю стола. Оливер в этот момент изучал свои ботинки.

Рут рассказала о трёх грузовиках и отметках в книжке. Томас попросил её пока оставить книжку при себе, но сделать копию страниц. Харриет предложила машинку.

— Лучше от руки, — сказал Прайс. — И на каждом листе ваша подпись.

Последним говорил Роуэн. Он кратко описал то, что видел лично: оптический эффект стекла, спор о красной метке, белый шарф Джереми и металлическую рейку возле тела. Ни одного вывода он не добавил.

Когда Прайс закрыл блокнот, Беатрис спросила:

— Вы будете держать нас здесь до утра?

— Пока не узнаем, кто видел мистера Уиклиффа последним, — ответил Томас.

— Если он умер раньше, чем мы думаем, — сказала Ада, — этот человек может сидеть прямо среди нас и всё время иметь превосходное алиби.

Все посмотрели на неё. Она пожала плечами.

— Я привыкла сомневаться в измерениях, которые сделал не сама.

Глава 7

На сухой пластине

Фэй Дакр проявляла снимки в бывшей раздевалке за павильоном. Тёмная комната была устроена наспех: окна закрывали плотные одеяла, вода подавалась из ведра, а на двери висела записка с просьбой не входить без стука. Томас разрешил ей работать только после того, как констебль Прайс опечатал коробку с непроявленными кассетами и записал их номера.

Роуэн стоял в коридоре. Из-за двери пахло химикатами и горячей водой. Через двадцать минут Фэй вынесла первый отпечаток щипцами и положила его под лампу.

На фотографии было окно измерительной галереи. За ним виднелся человек в светлом шарфе. Лица разглядеть нельзя: линия носа терялась в блике. На стекле наложились каркас соседнего прохода и отражённая лампа. Рядом с фигурой темнел прямоугольник шкафа.

— Это не доказывает, что он был внутри, — сказала Элис.

— Я и не утверждаю, — ответила Фэй. — Но кто ещё носил этот шарф?

— Джереми.

Фэй посмотрела на неё и быстро отвернулась к снимку.

— Он был во дворе.

— Во дворе есть боковой проход.

Томас попросил принести план. Элис разложила его на скамье. Путь Фэй проходил по внешней стороне окна. Снимала она под таким углом, что фигура из соседнего коридора могла отразиться точно над шкафом.

— Если это отражение, — сказала Ада, появившаяся у двери, — цифры на табличке будут перевёрнуты.

На фото над окном висела небольшая бирка «7». Цифра выглядела привычно, если не знать, что её верхняя черта на табличке загибалась вправо. На снимке она загибалась влево.

Фэй достала лупу. После долгого молчания она сказала:

— Я собиралась свидетельствовать, что мистер Уиклифф был жив. Теперь не могу.

— Вы можете свидетельствовать, что видели человека в белом шарфе, — ответил Томас.

— Мне поверят меньше.

— Зато это будет то, что вы видели.

Следующий отпечаток показал гостей у стола Ады. Лайонел стоял между Хейлом и Локком. На его руке виднелась тонкая полоска бумаги, прилипшая к манжете. Роуэн попросил лупу. Это не была бумага. С манжеты свисала узкая светлая нить, вероятно, от шарфа. Но на фотографии она лежала поверх края пиджака, а в галерее Роуэн видел на том же месте серую полосу, похожую на пепел.

— Когда вы сделали этот снимок? — спросил он.

Фэй заглянула в журнал кассет.

— В начале показа. До того, как Лайонел ушёл. Я записала двадцать двадцать две.

— А снимок у окна?

— Не записала. Около половины десятого. Может быть, чуть позже.

Невнимательность раздражала её саму. Роуэн не стал напоминать, что фотография сохраняет детали лучше часов, но не всегда сохраняет время.

Третий снимок Фэй не хотела показывать. На нём Ева и Оливер стояли возле складской двери. Они держались за руки. Если смотреть на лица, то становилось ясно, что это не случайное касание.

— Никакого отношения к смерти Лайонела, — сказала Фэй.

— Возможно, — ответил Томас. — Но теперь мы знаем, где они были.

— Вы обещаете не показывать снимок Майклу?

Томас не мог этого обещать. Фэй приняла его молчание, сунула отпечаток под остальные и попросила оставить ей хотя бы возможность сказать Еве самой.

В павильоне Джереми ждал у окна. Беатрис сидела позади него, но разговор начался не с ней.

— Вы проходили мимо измерительной галереи в белом шарфе? — спросил Грей.

— Да. И что?

— Фэй сняла ваше отражение.

Джереми взял фотографию и сразу увидел бирку «7».

— Я шёл за отцом, — сказал он. — Но потом передумал и вернулся.

— До какой двери дошли?

— До западной. Там было заперто.

— Стучали?

— Нет.

— Почему?

Он сложил снимок пополам, не успев остановиться. Фэй вскрикнула. Томас забрал отпечаток прежде, чем сгиб стал острее.

— Потому что я боялся услышать его голос, — сказал Джереми. — Нам нечего было сказать друг другу без свидетелей.

Роуэн заметил, что это был первый ответ за вечер, который Джереми дал не сразу. Он мог быть правдой. Он мог быть правдой, за которой стояла другая, более неудобная.

Глава 8

Договор на семь партий

Генри Локк привёз с собой копию страхового договора и список отгрузок. Он разложил бумаги на том же столе, где несколькими часами раньше Лайонел показывал новое стекло. Документы были менее красивы, зато каждый лист имел дату, номер и подпись.

— Я не могу подтвердить мошенничество сегодня ночью, — сказал Локк, — но числа не сходятся. Компания застраховала семь партий школьных панелей. Лаборатория выдала сертификаты для трёх. Остальные четыре идут в тех же вагонах, под тем же названием.

— Может быть, сертификаты задержались, — сказала Беатрис.

— Тогда почему груз уже оплачен?

Маркус Хейл ответил, что при крупном заказе документы часто догоняют товары. Локк не спорил о правилах торговли. Он перевернул первую накладную и показал две колонки: исходный номер панели и номер после перепакровки. Номера расходились почти во всех строках.

— Здесь это называют перекомплектацией, — пояснил Хейл. — Часть листов режут для других рам.

— Режут, — согласился Локк. — Но вес в тоннах от этого не увеличивается.

Уильям Прайс записал суммы. Майкл Дейн потребовал увидеть, какие именно листы отправили детям. За последние недели он трижды останавливал линию из-за волны на краю. Лайонел сердился на простой; Хейл говорил, что Майкл перестраховывается. Теперь перед ним лежали накладные, в которых его браковка исчезла.

— Это я ставил чёрную черту, — сказал Майкл. — На каждой раме, которую нельзя выпускать.

Рут Коллиер кивнула. Её записи у ворот показывали те же номера.

— Почему вы не обратились к владельцу? — спросил Томас.

— Я обращался. На прошлой неделе. Он сказал, что проверит.

— Значит, он знал о расхождении до сегодняшнего вечера.

— Знал о возможности. Цифр у него не было.

Харриет Рид сообщила, что Лайонел действительно запросил всю отгрузочную ведомость в четверг. Синяя папка содержала заверенные копии. Она оставила её в конторе утром. Вечером папка исчезла.

— Вы сказали, что он взял её перед показом, — напомнил Роуэн.

— Я так думала. Но не видела, как он её нёс. Ошиблась.

Её второе уточнение не нравилось Хейлу. Он предложил поискать папку в кабинете Лайонела. Прайс уже обыскал кабинет и ничего не нашёл.

Бернард Морроу попросил слова. Он консультировал завод по договору поставки, но не участвовал в ежедневной отгрузке. По его мнению, страховой эксперт преувеличивал: у нового стекла часть испытаний могла проводиться после изготовления, и зелёный кружок не всегда означал окончательное одобрение.

— Красный означает остановку, — сказала Ада Харкорт. — Здесь нет двух мнений.

— Вы говорите как учёный, доктор, — ответил Морроу. — А я говорю как человек, который знает судебные иски. Если выяснится, что панели безопасны, обвинение в подлоге разорит завод зря.

— Если выяснится, что они опасны, задержка разорит кого-то другого, — сказал Майкл.

Роуэн слушал не спор, а порядок возражений. Сначала Хейл оправдал запись обычной практикой, затем Морроу попытался поставить под сомнение значение красной метки. Два человека защищали один груз разными способами. Это могло означать сговор. Могло означать, что один из них знает меньше другого и выбирает общие слова.

Снаружи постучали. Рут вышла и вернулась с промокшим листком: водитель последнего грузовика оставил его в щели ворот. На листке значился приказ остановить утреннюю отправку, подписанный Лайонелом Уиклиффом. Внизу стояло время — двадцать пять минут девятого.

— Он подписал его за десять минут до ухода из павильона, — сказала Харриет.

— Нет, — ответил Роуэн. — Внизу указано время составления приказа. Подписать он мог позже. Нам надо узнать, кто отнёс его водителю.

Рут сказала, что водитель не входил на завод после двадцати сорока одной. Приказ передали ему через ворота. Кто именно, она не видела: в это время проверяла вторую накладную.

Томас попросил Прайса сохранить лист отдельно. На обороте виднелся смутный отпечаток другой записи, вероятно, отложившейся от лежавшей сверху бумаги. При ярком свете можно было разобрать лишь слово «семь».

— Семь партий, — предположил Локк.

— Или седьмая рама, — сказал Майкл.

Роуэн не стал выбирать. Даже правильное слово, угаданное раньше доказательства, способно заставить человека перестать искать.

Глава 9

Холодная крошка

Доктор Бенедикт попросил для осмотра небольшую комнату без сквозняка. Ему дали кабинет Лайонела, где пахло табаком и полировкой. Томас присутствовал при осмотре, а Роуэн ждал за дверью. С медицинскими выводами у него была старая осторожность: несколько лет секретарской службы научили его, что слова «вероятно» и «точно» разделяет не талант следователя, а проверка.

Врач вышел усталым. Он уже позвонил в окружное управление и попросил прислать судебного медика утром. Предварительно он считал причиной смерти удар тяжёлым предметом. Рейка подходила по размеру, но это ещё не делало её орудием. Между травмой и смертью могло пройти несколько минут.

— Восемь сорок пять? — спросил Томас.

— Возможно.

— Девять тридцать?

— Менее вероятно. Но я не подпишу вам точный час на основании холодной руки.

Это было всё, что врач согласился сказать. Зато он показал полоску серого вещества с манжеты Лайонела. Она не пахла свежей сажей. Скорее это был пепел из давно потухшей печи или из печки, которой топили бумажные отходы. Доктор завернул образец отдельно.

— Его найдут повсюду на заводе, — сказал Томас.

— Именно, — ответил Бенедикт. — Поэтому я и не делаю из него вывода.

Роуэн вернулся в галерею с Прайсом. Врач разрешил им осмотреть пол до того, как тело увезут. Чёрная крошка под столом оказалась не углём. При лёгком нажатии она распадалась на мягкие слои и оставляла тёмный след на бумаге.

— Копирка? — спросил Прайс.

— Не совсем. Угольная бумага обычно тоньше.

На складе находилась старая печка для сжигания ненужных накладных. Ею давно не пользовались: рядом стояла новая металлическая урна. Прайс открыл дверцу печки. Внутри лежала кучка сухого пепла и несколько обугленных уголков. Роуэн попросил не разбирать их без конвертов и пинцета.

— Она тёплая? — спросил он.

Прайс поднёс руку к дверце.

— Нет.

— Когда её растапливали?

Никто не знал. Оливер утверждал, что не видел огня в печке по крайней мере месяц. Харриет сказала, что бумаги здесь сжигали ещё в понедельник. Майкл считал, что печку закрыли перед началом школьного заказа. Каждое воспоминание относилось к своей части завода.

Элис показала Роуэну другую дверь, незаметную на плане. Она вела из измерительной галереи в узкий складской коридор, но была заделана полками почти до потолка. Если человек хотел пройти, ему пришлось бы снимать полки по одной. В пыли на ближайшей доске не было следов рук.

— Хейл построил новый проход, а старый перекрыл, — сказала она. — Зачем менять путь, если не меняется оборудование?

— Возможно, чтобы убрать людей от жара.

— Тогда окно следовало поставить прямо, не под углом.

Она взяла свой карандаш и нарисовала на обороте плана две линии взгляда. При одном положении наблюдатель видел галерею насквозь. При другом — боковой проход, отражённый в стекле. Разница составляла всего несколько шагов.

— Фэй стояла здесь, — сказала она. — Джереми шёл вот здесь. Даже если он не хотел никого обмануть, снимок получился бы именно таким.

Роуэн попросил показать, где в этот момент мог находиться Хейл. Элис отметила печь и контору. Между ними был проход мимо старой печки для бумаг.

— Если смерть наступила до девяти, — сказал Роуэн, — Хейл не должен объяснять, где был у печи в половине десятого. Ему нужно объяснить, что он делал, пока все смотрели на первое стекло.

Элис убрала карандаш. Она знала, что муж не любит, когда подозреваемого называют раньше проверки, но Роуэн говорил только о направлении вопросов.

— Хейл выйдет к нам с тремя свидетелями звонка, — сказала она.

— Тогда мы спросим, кто слышал разговор, а не видел трубку у его уха.

Ключ в замке старой печки повернулся за их спиной. Они обернулись. У дверного проёма стояла Рут Коллиер. Она держала не свою книжку, а маленький квадрат картона с красным штампом.

— Я нашла это в корзине у ворот, — сказала она. — Думаю, вы должны увидеть до того, как за бумагами придёт мистер Хейл.

Глава 10

Картонная бирка

На картоне было всего два знака: чёрная цифра семь и красный круг. С обратной стороны кто-то содрал тонкий слой бумаги, оставив шероховатое пятно.

— Она была прикреплена к раме? — спросила Элис.

— К верхней перекладине, — сказала Рут. — Когда грузовик ушёл, я нашла её в корзине. Наверное, водитель сорвал перед въездом.

— На раме с браком?

— Да. Я записала номер.

Она раскрыла книжку. Прайс переписал номер в блокнот, а Роуэн сверил его с накладной Локка. По документам панель значилась годной и уже отправленной в школу в Ноттингеме. По записи Рут, рама всё ещё стояла на заводе до вечера. Это могло быть обычной ошибкой в документах, но ошибки редко требуют отрывать бирку.

— Мистер Хейл видел её? — спросил Роуэн.

— Я показала ему красную метку днём. Он велел не вмешиваться в сортировку.

— А мистеру Уиклиффу?

Рут опустила взгляд.

— Я собиралась после демонстрации. Майкл Дейн уже говорил с ним; я думала, вместе нас услышат.

Она хотела сказать что-то ещё, но в дверь постучали. Маркус Хейл стоял в коридоре. На этот раз на нём была рабочая куртка, и белая пыль на рукаве исчезла.

— Мне сообщили, что вы осматриваете старую печь. Она не относится к цеху.

— Пепел на манжете владельца может относиться, — ответил Томас.

Хейл посмотрел на дверцу.

— Бумаги сжигали вечером. Харриет имела разрешение.

— Я сжигала испорченные копии в понедельник, — сказала Харриет из-за его плеча. — Сегодня ничего не приносила.

Хейл повернулся. Она спокойно выдержала взгляд. Двое людей, привыкших работать по одним и тем же распоряжениям, впервые за ночь говорили не на одном языке.

Рут убрала бирку в конверт Прайса. Её пальцы дрожали. Томас попросил констебля проводить её обратно к воротам и не оставлять одну. Прайс возразил, что должен охранять место убийства; Томас сам дошёл с Рут до проходной. Там находился второй сторож, старик по имени Уолтер. Его дежурство началось в девять. Он не входил в павильон и не видел Лайонела; улик его присутствие не стало, но Рут обрадовалась, что у неё есть свидетель.

— Вы боитесь Хейла? — спросил Томас.

— Я боюсь ошибиться и лишить людей работы, — сказала Рут. — Если завод остановят, кто будет платить им зимой?

— Если не остановят опасные панели, платить может быть некому.

Она кивнула. Это не было согласием со всеми его выводами; только признанием, что риск существовал по обе стороны ворот.

Когда Томас вернулся, Роуэн попросил показать место, где Джереми снял отцовский шарф. В павильоне сын владельца сидел возле Беатрис. Шарф уже лежал у констебля, но на плече Джереми осталась светлая шерстяная нить.

— Вы встретили отца у галереи? — спросил Роуэн.

— Нет.

— Дверь была заперта?

— Я не трогал ручку. Сначала сказал, что трогал, потому что все ожидали этого от меня.

— Почему повернули назад?

Джереми посмотрел на мать.

— Он вычеркнул меня из компании. Утром пришло письмо от адвоката. Я хотел спросить, по какой причине, но когда дошёл до галереи, понял, что знаю ответ. Ему не нравилось, как я трачу деньги.

Беатрис сказала, что письмо пока не имеет силы. Харриет подтвердила: решение должно было вступить в действие после заседания совета. Семейный спор оказался серьезнее, чем Джереми показывал, но не стал доказательством убийства.

Роуэн обратил внимание на часы. С момента обнаружения тела прошло почти два часа, а синяя папка не появилась. Если Лайонел сам унес её в галерею, убийца мог забрать документы. Если папку взял кто-то раньше, она могла не иметь отношения к смерти. Каждый из этих вариантов вёл к другому человеку.

На столе у Харриет лежал чистый лист копировальной бумаги. Роуэн поставил рядом картонную бирку и спросил, можно ли получить образец бумаги, которую использовали для отгрузок. Она вынула пачку из нижнего ящика. Листы были плотнее обычных и с чёрной пудрой между слоями. Именно такую крошку нашли под столом.

— Кто пользовался ими сегодня? — спросил он.

— Все, кто оформлял накладные. В том числе я.

Она не искала оправдания. Это делало ответ менее удобным для тех, кто хотел найти одного виновного сразу.

Глава 11

Два телефонных звонка

Утром фабрика просыпалась медленнее, чем ночью работала. Печь продолжала держать температуру, но грузовики не выходили из двора. За воротами собрались водители, оставшиеся без рейса. Рут объясняла каждому, что остановка временная. Слух о смерти хозяина уже прошёл через деревню, и временность никого не убеждала.

Роуэн позавтракал с Томасом и Элис в конторе. Хозяйка местной гостиницы привезла термос с чаем и хлеб. Она увезла обратно пустую корзину, но не новости: Прайс попросил её не говорить об убийстве, пока семья не уведомит родственников.

Элис разложила чертежи на столе. Ночью она не сомкнула глаз и теперь заметно сердилась на каждый неясный размер.

— Боковую дверь построили по приказу Хейла, — сказала она. — Но две недели назад Лайонел отказался подписать счёт. Он мог заметить, что дверь открывает короткий путь к галерее.

— Мог, — сказал Томас. — Но это не объясняет смерть.

— Объясняет, почему Хейл имел там работу и ключ.

Роуэн указал на контору. От неё до галереи было два пути. Прямой занимал меньше минуты, но проходил мимо склада, где Рут могла видеть человека. Второй шёл через старую печку для бумаг; его закрывала тяжёлая дверь, к которой у Хейла был ключ.

Харриет принесла телефонный журнал. Звонок перевозчика начался в двадцать пятьдесят семь и закончился в двадцать один двадцать пять. Роуэн перечитал время.

— Хейл утверждал, что принял вызов ещё без пяти девять.

— Я назвала время, когда отнесла трубку мистеру Хейлу, — ответила Харриет. — Перевозчик сначала разговаривал со мной.

— Когда вы передали трубку?

— В двадцать один двадцать одну минуту.

— Четыре минуты разговора.

— Да. Потом он положил трубку и вышел.

Хейл утверждал, что говорил дольше. Харриет могла ошибаться, но время окончания на табло телефонной станции подтвердил местный оператор. Прайс записал его по дороге. Вышло, что с ухода Лайонела в двадцать тридцать пять до разговора Хейла с перевозчиком в двадцать один двадцать одну минуту у директора не было надёжного свидетеля.

— Он проверял котельную, — сказала Элис.

— Это он так говорит, — ответил Томас.

Маркус пришёл, когда они всё ещё смотрели на журнал. Он сообщил, что все ночные работники готовы дать показания о его обходе. Первым назвал мастера котельной.

— Мастер видел вас? — спросил Томас.

— Мы говорили через дверь. Он не мог оставить клапан.

— Он узнал ваш голос?

— Разумеется.

Роуэн подумал о шуме печи. Голос можно узнать ошибочно, особенно если заранее ожидаешь директора. Но подражание казалось бы слишком сложным способом выиграть несколько минут. Вероятнее, Хейл действительно позвал мастера и ушёл.

— Второй звонок был от кого? — спросил он.

Харриет показала запись на отдельном листе. В двадцать девять минут девятого звонил адвокат Лайонела. Она не соединила: хозяин ушёл из павильона, а кабинет пустовал. Адвокат оставил просьбу немедленно перезвонить.

— Лайонел видел сообщение? — спросил Роуэн.

— Я положила его на стол в конторе.

Маркус сказал, что хозяин после этого туда не возвращался. Он смотрел не на сообщение, а на портфель Томаса.

— Вы считаете звонок важным?

— Пока я считаю важным выяснить, кто его прочёл, — ответил инспектор.

Адвокат приехал к полудню. Он подтвердил слова Джереми о пересмотре участия в компании, но добавил одну деталь: новое распоряжение Лайонела касалось не только сына. Маркус Хейл лишился права единолично утверждать отгрузки. Все накладные с понедельника должен был подписывать владелец.

— Почему он решил это вчера? — спросил Роуэн.

— Мистер Уиклифф не сообщил. Я не привык спрашивать клиентов об их подозрениях по телефону.

Теперь у двух людей появлялся мотив спорить с Лайонелом: сын терял место, директор — власть над грузом. Один находился в белом шарфе у окна позже, другой имел длинный промежуток без свидетелей раньше. Роуэн не любил зеркальную симметрию. Жизнь редко раскладывает улики с такой заботой о следователе.

Глава 12

Формула доктора Харкорт

Ада Харкорт попросила Томаса войти в лабораторию без Майкла Дейна. Она объяснила, что дело касается не брака, а формулы нового стекла. Майкл доверял ей как технологу и возненавидел бы за то, что она скрыла второй вариант смеси.

— Я провела дополнительные испытания, — сказала Ада. — В лабораторном журнале они записаны под другим номером. Лайонел знал лишь первые результаты.

— Вы хотели продать формулу Морроу? — спросил Томас.

Она приподняла бровь.

— Если бы я собиралась продавать, не сообщала бы инспектору. Я собиралась остановить показ. У двух образцов появился внутренний напряжённый слой. Он не замечен сразу, но при повторном нагреве лист может лопнуть.

Элис попросила показать образцы. На столе стояли два небольших сосуда; один выглядел целым, другой имел едва различимую линию внутри толщины. Ада объяснила, что сегодняшнее испытание с одним погружением в воду не выявило бы этот дефект. Он проявлялся позже, когда материал уже был установлен.

— Значит, Локк прав, — сказала Элис. — Партию нельзя отправлять.

— Он прав по другим причинам. Его накладные касаются панелей, изготовленных старым способом. Новое стекло ещё не выпускали для школ.

Так на заводе обнаружились две разные угрозы, внешне похожие. Одни листы могли быть бракованными из-за подмены. Другие — из-за недоработанной формулы. Кто-то мог соединить их в одну историю, чтобы обвинить Аду. Кто-то мог использовать её тайну для отвлечения внимания от отгрузок.

— Почему вы записали опыт под другим номером? — спросил Томас.

— Потому что Лайонел перестал читать мои журналы. Ему нужны были только зелёные кружки.

— Он мог уволить вас за ложные записи.

— Мог. Поэтому я и молчала ночью.

Она достала письмо, адресованное Лайонелу. Текст был отпечатан, но не отправлен. В нём Ада требовала остановить показ и назначить повторную проверку. Роуэн заметил дату в верхнем углу: вчерашний день. Обратная сторона листа была чиста.

— Вы можете подтвердить, что напечатали его вчера? — спросил он.

— Харриет дала мне бумагу. Она видела черновик.

Харриет подтвердила лишь то, что Ада просила листы и машинку. Содержание письма она не знала. Доктор не стала настаивать на большем.

Майкл появился у двери без предупреждения. Он услышал слова о возможном дефекте и потребовал закрыть печь. Ада объяснила, почему резкая остановка опасна для оборудования и людей. Нужно было закончить цикл без выпуска продукции.

— А утром вы сообщите работникам, что мы трудились над стеклом, которое нельзя ставить в окна? — спросил Майкл.

— Утром я сообщу именно это.

Его гнев не исчез, но нашёл предмет. Он предложил оставить двух опытных людей у линии и вести отдельный журнал температур. Ада согласилась. Их спор закончился рабочим решением, не прощением.

После ухода Майкла Роуэн спросил о Морроу. Ада сказала, что консультант пытался купить у неё лабораторную таблицу. Он представлял иностранную компанию и обещал ей место в новом исследовательском центре. Она отказалась.

— Не из верности Лайонелу, — добавила она. — Я хочу знать, что моя формула делает, прежде чем её запишут за чужим именем.

Роуэн посмотрел на запечатанные образцы. В этом желании было достаточно гордости, чтобы скрыть ошибку, и достаточно честности, чтобы признать её в конце концов. Но вопрос о том, чем она занималась между уходом Лайонела и испытанием, оставался открытым.

Глава 13

Синий переплёт

К полудню Джереми признался, что взял синюю папку. Признание вышло не торжественным, а усталым. Он попросил отца об авансе месяц назад, получил отказ и теперь увидел шанс узнать, какие средства Лайонел собирался оставить ему после увольнения из компании.

— Я думал, это бумаги адвоката, — сказал он. — Папка лежала в его кабинете без подписи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.